

A woman with long brown hair, wearing a dark blue coat, a red beret, white stockings, and black shoes, is sitting on a large orange suitcase. She is looking towards a green train with red lights that is moving away on a snowy track. The background shows a snowy landscape with a small house and trees under a grey sky. Snowflakes are falling around her.

Мария Непеина

*Ева Полянская —
жизнь и судьба*

*Книга 2. Жить
вопреки*

Мария Непеина
Ева Полянская – жизнь и
судьба. Книга 2. Жить вопреки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22035846
ISBN 9785448337451

Аннотация

Необыкновенная судьба обыкновенной девушки повествуется в этой трилогии. Дочка профессора, не знающая бед и тревог с детства, попадает во взрослый мир с арестом ее родителей, а разлука с любимым наносит еще один удар, но несмотря на потери, которые преследуют ее, чувства не умирают внутри этой хрупкой девушки, помогая жить и двигаться дальше, даря такой редкий дар, как сама любовь.

Содержание

Глава 1	5
– 1 —	5
– 2 —	18
– 3 —	30
– 4 —	39
– 5 —	45
– 6 —	50
Глава 2	60
– 1 —	60
– 2 —	66
– 3 —	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

**Ева Полянская –
жизнь и судьба
Книга 2. Жить вопреки
Мария Непеина**

© Мария Непеина, 2016

© Мария Шмакова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-3745-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

— 1 —

— Вам понравилась экскурсия ребята? — спрашивала молодая учительница, у своих учеников.

— Понравилось Ева Адамовна! — загомонили ребята.

Я стояла в окружении своих второклассников, и с улыбкой смотрела на них. Они стали делиться впечатлениями, после посещения Зимнего дворца, экскурсию в который я устроила им в последние дни перед каникулами.

— Сейчас я отведу вас в школу, там вы и разойдетесь по домам, — я построила ребят и повела их к нашему зданию школы. — В следующем году мы встретимся с вами, а вы уже будете третьеклассниками.

— Да! Поскорее бы! — снова загалдели ребята, которым так не терпелось повзрослеть.

Я вела ребят, оборачивалась и улыбалась им. Сейчас я была счастлива рядом с ними, потому что искренне любила их, как своих. У меня уже был один выпуск четвертого класса, эти ребята до сих пор бегают ко мне, советуются, девочки обнимают в коридоре и в такие минуты мне хочется плакать от того, как сжимается у меня все внутри. От того восторга и нежности, которое я испытываю к этим детям. Мои тепе-

решние ученики ревнуют меня к ним, но я тут же отвлекаю их какой-нибудь интересной темой, и они забывают об этом чувстве.

И все это мне дал Дима. Мой, или уже не мой Дима. Где то он сейчас. С кем. Женился ли. Мне тут же стало плохо от этих мыслей и неприятно. В груди все сдавило. Я задумалась о нем, загрустила и, пройдя еще несколько шагов, остановилась.

— Ева Адамовна, — дернул меня за руку мальчик, который стоял рядом со мной. — Что с вами.

— Все хорошо, — поспешно сказала я, затолкала как можно глубже свои мысли, и дальше повела своих ребят по улице.

Нам отдавали честь милиционеры, я улыбалась им, махала рукой, и мои ученики тоже, мне было хорошо и солнечно. Всюду цвела сирень, и я наслаждалась ее запахом. Ребята шли организованно, и меня это тоже радовало, потому что для меня это означало, что я хороший педагог, который смог из таких разных ребят создать такую сплоченную, дружную и послушную мне команду. И я платила ребятам своей искренней любовью к ним, неподдельным интересом к каждому и преданностью своей школе. А самое главное я отдавала им то, что знала сама, свои знания, и делала это так, что ребята слушали меня с интересом, даже самые подвижные из них застывали на своих местах, а потом засыпали меня вопросами на переменах.

За это ценили меня и мои коллеги. В нашей школе был

дружный сплоченный коллектив. Все старались друг друга поддержать, помочь. Я почувствовала это, когда только пришла в эту школу, мне было страшно, и я очень волновалась, справлюсь ли. Но каждый из моих коллег, чем мог, помогал мне. Мы вместе справляли праздники, отмечали дни рождения, были как одна большая семья. Николай даже иногда ревновал меня к школе, говорил, что мои ученики и коллектив дороже мне моей семьи. Я отвечала ему, что это не правда, но иногда ловила себя на мысли, что он где-то прав.

Дима был прав в выборе моей профессии, и где бы он сейчас ни был, я была благодарна ему за это. Я любила свою профессию, с удовольствием занималась своим делом, а это было немаловажно для меня. Мне нравилось разбирать каракули своих учеников, слышать их шум и гам на переменах, горящие глаза, которые пытливо смотрели на меня на уроках, пытливые умы, которым было все мало и хотелось еще и еще знаний. Да даже писать скучные планы, мне было не скучно. Потому что я любила! Но только свою профессию.

С такими мыслями я подходила со своей шумной ватагой к школе.

– Ну что ребята, – сказала я, стоя во дворе, а они окружили меня. – Не охота расходиться?

Я засмеялась, а мальчишки и девчонки загалдели все разом, что завтра придут еще, потому что им очень интересно. Я отвечала им, что буду ждать их с утра, и заверила ребят, что завтрашняя экскурсия будет такой же интересной, как

сегодня. Мы постояли еще немного, переговариваясь, а потом ребята разошлись, кто парами, кто по одному по своим домам. Я постояла еще во дворе, а потом вошла в здание, потому что кроме экскурсии у меня были еще дела. Я села за свой стол в учительской, который стоял возле окна, но вместо того, чтобы заниматься делами, стала смотреть на улицу, думая о своем.

– О чем задумалась милая моя, – ко мне подошла пожилая учительница и погладила меня по плечу.

Я вздрогнула, посмотрела на нее и улыбнулась ей. Она так напоминала мне мою учительницу в музыкальной школе. Только эта была мягче, добрее и более открыта для других.

– Об учениках своих, – ответила я ей. – У них еще столько всего интересного впереди, и я даже немного завидую им.

– Оооой, – засмеялась Антонина Николаевна, – кто бы говорил Евочка, да у вас тоже все впереди, милая моя, не переживайте. Вы блестящий педагог, у вас любящий такую красавицу успешный муж, а там глядишь, уже и свои детки пойдут.

– Что вы такое говорите, – я засмушалась и опустила свою голову. – Просто весна, в это время года всегда тяжелее работать.

– Особенно таким молодым и симпатичным девушкам как вы, – снова засмеялась преподавательница. – Эх, мне бы такую дочь, – она села рядом со мной, приобняла меня за плечи, а я положила свою голову ей на плечо. – Ваши родители

молодцы, – вздохнула она. – Родить такую красавицу, воспитать такую умницу, как же я им завидую, – говорила она и гладила меня по руке.

«Не завидуйте» – хотелось сказать мне. Но я промолчала. Потому что хранила эту тайну. Носила в себе этот тяжкий груз, о котором никто не знал и даже не догадывался. Я тут же стала думать о них, где они, что с ними, как они. Мама и папа встали перед моим внутренним взором. Папа читает газету, положив ногу на ногу и хмурясь, мама листает книгу, которую взяла, думая, читать ее или взять другую. Дуняша, которая накрывает на стол свои вкусные пирожки и чай. И я. Еще молодая, наивная, не знающая о настоящей жизни, играющая гаммы на фортепьяно.

Я догадывалась, что ничего хорошего в жизни моих родителей уже не было. А может быть, у них не было даже самой жизни. С трудом, но я заставила себя не плакать, справилась со своими эмоциями и слезами.

– Зато сейчас вы мне как мама, – сказала я тихо. И это действительно было правдой. Антонина Николаевна опекала меня больше других, всегда старалась покормить чем-нибудь вкусненьким, или взять часть моей работы на себя. Я притворно сердилась на нее, но мы обе знали, что это не так.

– И я очень этому рада, поверьте мне, – она поцеловала меня в макушку и украдкой вытерла слезы из глаз, потому что я действительно заменяла ей дочь. И не только ее, а всех ее детей, которые погибли. И поэтому всю свою неистра-

ченную материнскую любовь она отдавала мне. А я с благодарностью принимала ее.

– Нечего тебе тут сидеть, – вдруг сказала она. – Насидишь-ся еще в этих четырех стенах, иди, – она встала и подтолкнула меня в сторону двери. – На улице такая красота, и ты такая еще молодая, гуляй, наслаждайся весной, ясной погодой и городом, который ты так полюбила.

– Но, – я сделала попытку возразить, а Антонина Николаевна погрозила мне пальцем.

– Марш, на улицу, марш! Я доделаю тут все, иди и не переживай, – она села за мой стол и постучала по нему ладонью. Я подскочила к ней, обняла за плечи, прижала к себе, а потом поцеловала ее в щеку.

– Спасибо мама, – прошептала я ей и выбежала из учительской, чтобы не видеть ее слез и скрыть свои. Сначала я шла быстрым шагом, успокаивая свои эмоции, а потом пошла все медленнее и медленнее.

Антонина Николаевна была права. Я села на скамейку и стала смотреть на проезжающие автомобили, и слушать шум их колес. Я действительно полюбила этот город всем сердцем. Николай с первого же дня начал знакомить меня с ним, показывал свои любимые улицы, Невский проспект, дворцы. Я вспомнила, как он уговаривал спуститься меня в метро и заулыбалась. Я боялась спускаться под землю, искала отговорки, отнекивалась, как могла. Но он все же уговорил меня, хотя это мало мне помогло, я до сих пор боялась

метро и поэтому предпочитала передвигаться по городу наземным транспортом, или еще лучше пешком. Да и мне, если честно повезло. Находишь моя школа в другой части этого большого города, хочешь, не хочешь, а пользоваться метро мне бы пришлось.

Я снова заулыбалась, потому что вспомнила свою первую встречу с Петергофом, тот восторг, когда я увидела фонтаны и то восхищение, когда передо мной открылся Финский залив. Я стояла тогда, прижав свои руки к груди, глядя вдаль, а Николай стоял рядом, обнимал и смотрел, слегка улыбаясь, на меня. Он шептал мне слова любви, о том, что счастлив, что встретил меня, женился на мне. Я так устала тогда от своих впечатлений, что уснула на его плече, когда мы возвращались домой.

Один из автомобилей громко библикнул, я вздрогнула, очнулась от своих воспоминаний и посмотрела на свои наручные часы. Сегодня я шла вместе с Николаем и семьей его начальника в театр. Мне не нравились такие походы, где нужно улыбаться тем, кто тебе не очень по душе и разговаривать о том, что тебе не интересно. Николай знал об этом и каждый раз старался меня задобрить, чтобы я сильно не злилась на него.

Я встала и пошла по направлению к нашему дому, думая о том, что мне очень нравилось ходить в театры, и не только в театры, посещать картинные галереи, Эрмитаж, да и Николаю нравилось то же самое. Поэтому мы старались как мож-

но чаще посещать эти места, особенно когда он стал подниматься по карьерной лестнице все выше и выше, и в доме стало появляться больше денег. А уж когда я вышла на работу...

— Дамочка, смотрите куда идете! — крикнул мне водитель, потому что, задумавшись, я чуть не вышла на проезжую часть.

Я извинилась, и пошла дальше, только теперь так глубоко не уходила в свои мысли. Теперь я стала перечислять про себя, что мне нужно успеть сделать. Сходить в парикмахерскую, выбрать платье. Николаю тоже не нравилось, когда нам приходилось ходить в театр с кем-либо, но и отказать своему начальнику, директору завода, на котором он работал, он тоже не мог. Особенно он не любил, когда тот приглашал нас на свою дачу за город, то, как он смотрел на меня, когда я в купальнике заходила или выходила из воды. Его жена была грузной, пожилой женщиной, тогда как я молодой, стройной и красивой. Иногда директор мог подолгу держать меня за руку, якобы заговорившись на какую-то тему. Мне приходилось улыбаться, и терпеть все это.

Сделав прическу и вернувшись, домой, я стала выбирать платье, в котором я еще не появлялась перед начальником Николая. Он был ведущим инженером, и мне нужно было соответствовать его статусу. Николай, как всегда, прибежал в последнюю минуту, стал быстро переодеваться и говорить мне комплименты.

— Ева я так ревную тебя, — сказал он в конце, подошел ко мне и обнял. — Ты у меня самая красивая, ну как с такой женой выходить в люди.

— Так и выходи, — смеялась я и гладила его по груди, — гордись, что у тебя одного я такая.

— Горжусь, очень горжусь, — он потянулся к моим губам, но я отвернула свою голову.

— Коля, — сказала я недовольно, — помада, и мы уже опаздываем.

— Ничего, ничего, — затормошил меня в руках Николай, — вечером мы вернемся домой и поверь мне, никакая помада меня не остановит.

— Тебя остановит алкоголь, — говорила я, надевая свои туфли. — Потому что после театра, твой директор потащит нас в ресторан, и снова будет приглашать меня на танец, а его жена потом будет недовольно сверлить меня своими глазками.

— Что поделаешь, — вздыхал Николай, — такова моя, а вернее наша доля.

Мы вышли с ним из нашего подъезда, он помог мне сесть в машину, сам сел за руль, но перед тем как тронуться, взял мою руку и поцеловал ее.

К театру мы успели почти вовремя. Я увидела, как из своей машины вылезает начальник Николая, а потом его жена. Он тоже увидел нас и заулыбался.

— Ева Адамовна, вы как всегда великолепны, — пропел он,

когда мы подошли к ним, взял мою руку и поцеловал ее.

– Спасибо, – я тоже улыбнулась в ответ. – Вера Семеновна, здравствуйте, ох, что это, что за прелесть у вас, новые сережки?

Я знала, что жена начальника Николая очень любила украшения, и еще больше ей нравилось, когда их замечали и хвалили.

– Да, – тут же зарделась Вера Семеновна, – мой кусик недавно подарил мне, к премьере.

– Для моей половинки все что угодно, – сказал кусик и поцеловал ее в щеку.

Мы постояли немного в фойе, здороваясь, если видели знакомых, а потом прошли на свои места. Николай подал мне программку и платок.

– Ты как всегда будешь плакать, – сказал он, потому что знал, что когда я смотрю на сцену, я полностью погружаюсь в действие, которое там происходит. То же самое со мной происходило и в кино, и поэтому Николай всегда брал с собой по несколько платков.

Занавес открылся, и реальность перестала для меня существовать. Я была там, вместе с героями. Николай держал меня за руку, поглаживая ее, и смотрел то на сцену, то на меня. Его сердце сжималось от той нежности, что он чувствовал ко мне и любви. Каждый день он благодарил Бога за то, что тот позволил ему встретить это чудо, а главное жениться на мне. Он был счастлив, хотя знал, что я и половины не испытываю

к нему того, что испытывает ко мне он.

Он улыбнулся, когда увидел, как я зашевелила пальцами на второй руке, потому что знал, что произойдет дальше. Теперь я затеребила жемчужную ниточку, которая висела у меня на шее. Это означало, что я крайне взволнована, и он сжал мою руку, давая тем самым понять, что рядом. Я слегка вздрогнула, и перестала теревить бусы.

В антракте мне пришлось слушать болтовню Веры Семеновны, которая делилась сплетнями завода. Но потом я снова окунулась в действие на сцене. А когда спектакль закончился, заплодировала и одна из первых вскочила со своего места. В такие моменты мне было все равно, кто я, что я, с кем я. Я просто получала удовольствие.

Как я и говорила Николаю дома, после спектакля мы поехали в ресторан. Николай старался не пить, но это ему плохо удавалось, поэтому домой ехать пришлось на такси. Я помогла ему подняться на наш этаж, раздела и уложила в постель. А сама, когда переоделась и помылась, налила себе чаю, села за стол на кухне и стала вспоминать тот вечер, когда я встретила Дмитрия, врезавшись в него.

– Опять его вспоминаешь, – в дверях стоял Николай и покачивался.

Я вздрогнула и повернулась в его сторону.

– Ты постоянно после театра такая, – я уже подошла к нему и повела его к постели. – Почему не я шел этой улицей, почему не я! Надо было врезать ему тогда, из-за тебя

не стал!

— Никого я не вспоминаю, успокойся, Николай, зачем ты встал, — я пыталась уложить его в постель, но он упирался. — Просто думала, куда завтра повести своих учеников.

— Со мной, ложись со мной! — он пытался развязать тесемки моего халата. — Чего ты там одна сидишь!

— Сейчас лягу Коля, свет только на кухне выключу и лягу, — уговаривала я его.

— Тогда и я лягу! — он сел на кровать и выпятил свою грудь.

Я быстро сходила, ополоснула кружку, сняла халат и только тогда смогла уложить его в постель. Он обнял меня, прижал к себе, стал гладить мое тело, целовать меня и шептать, что я только его, и он никому меня не отдаст, как он меня ревнует, к коллегам по работе, а особенно к моим мыслям и воспоминаниям. Я гладила его по голове, постепенно он успокоился и заснул. А я не могла уснуть, хотя знала, что там, в царстве Орфея я могу увидеть его, моего любимого, которого я не забыла, как ни пыталась. Но я не закрывала глаза, лежала и смотрела в потолок, вспоминая сегодняшнее представление, а потом, пытаясь понять, счастлива ли я с Николаем. Он столько дал мне, возможность учиться и работать по специальности, познакомил с этим чудесным городом, научил любить его. В доме был достаток, мы ни в чем не нуждались, как в первые годы. Несколько раз ему предлагали квартиру по больше, но он отказывался, потому что нам нравился наш дом, двор и наша квартира, которая досталась

ему от бабушки. Я сделала ее уютной, и всегда с радостью возвращалась домой. Все это было хорошо, но была ли я все-таки счастлива. Сколько бы я не думала, я так и не могла ответить себе на этот вопрос. Была благодарность, со временем привязанность, но не более того. Но я успокаивала свою совесть тем, что он был счастлив рядом со мной. И значит все это не зря, моя и его жизнь, этот город, мои ученики.

Мои ученики. Я заулыбалась и с этими мыслями наконец-то заснула, чтобы на следующий день проснуться, увидеть их светлые улыбки и снова услышать их звонкие голоса, которые без всяких сомнений делали меня счастливой.

— Ева, милая ты дома? — в квартиру заходил Николай, и, не разуваясь, заглядывал в комнату.

Я подняла голову от тетрадки, в которой писала и улыбнулась ему.

— Это тебе, — он протянул мне небольшую коробочку. Я взяла ее в руки и открыла.

— Коля, — выдохнула я, — зачем, не надо было, — говорила я, прижимая одну руку к груди, потому что во второй я держала коробку с золотыми сережками, на которых поблескивали камни.

— Это подарок, — тихо сказал он, — с окончанием учебного года.

Он вздохнул и отвернулся от меня. Я поняла, что неправильно среагировала на его подарок, но это была моя естественная реакция. Нужно было исправлять положение, ведь он старался и не его вина, что его подарок не так радовал меня, как та простая брошка, которую когда то, в другой жизни, подарил мне Дима.

— Коленька, — позвала я его тихо, — спасибо, — я подошла к зеркалу, сняла те сережки, которые были в моих ушах, и вдела те, которые только что подарил мне мой муж. — Посмотри, — я дотронулась до его плеча, когда подошла к нему.

Он повернулся и посмотрел на меня. В его глазах была

боль, и я тоже ощущала ее, потому что делала больно человеку, который так любил меня, и так искренне старался, для моего комфорта, моей жизни. Протянув к нему свою руку, я погладила его по щеке, а потом обняла его.

– Давай выгуляем мой подарок, – прошептала я, поглаживая его по волосам. – Сходим в ресторан, прогуляемся по Невскому проспекту.

– Давай, – сказал Николай, приподнял мою голову и нежно поцеловал меня. Я улыбнулась ему, поцеловала его сама, а потом побежала в другой конец комнаты, чтобы переодеться. Но как только я сняла с себя платье, то почувствовала его руки на своем теле.

– Может быть, – прошептала я, и попыталась его остановить.

– Потом, – прошептал мне в ответ Николай, и стал, целуя меня, снимать остатки одежды с моего тела, и раздеваясь сам.

– А теперь мой муж накормит меня, – говорила я, поглаживая его по груди, когда он подарил нам обоим наслаждение. Я знала, что ему очень нравилось, когда я говорила о нем, как о своем муже, и поэтому специально сказала так, и он довольно заулыбался.

Мы встали, нарядно оделись, вышли из дома и сели в машину. В ресторане нас проводили за столик, мы вкусно поели и выпили шампанского.

– Как все смотрят на мои сережки, – говорила я Нико-

лаю, – представляю, что бы сейчас сказала Вера Семеновна, когда увидела их в моих ушах.

Николай улыбался, но я видела, что он мало верит моим словам, потому что он все прекрасно знал и понимал, но он терпел, потому что любил, да и я была рядом с ним.

Потом мы гуляли, обнимаясь. Были уже белые ночи, повсюду можно было увидеть парочки, которые как пугливые голуби, тут же убегали, едва завидев нас.

– Когда то и мы были такими же, – сказала я.

– А сейчас мы еще лучше, – сказал Коля и погладил меня по руке.

Мы вернулись домой далеко за полночь, легли спать, чтобы утром проснуться и продолжать вместе жить дальше.

Наши дни потянулись размеренно, только с окончанием учебного года работы у меня поубавилось, мои ученики разъехались на каникулы кто куда, а кто-то еще ждал своего отъезда, но я уже могла больше гулять по городу, посещать музеи, посвящать время себе и ждать отпуска. В этом году мы впервые за все это время решились поехать на море, и я с нетерпением ждала свой отпуск и отпуск Николая. Гуляя по городу я представляла себе шум прибоя, запах южных цветов, думала и решала, что я возьму с собой. По вечерам мы с Николаем гуляли, иногда ходили в ресторан, но старались больше времени проводить вдвоем, хотя его звали коллеги по работе загород, на пикники. Но он ревновал меня, ему не нравилось излишнее мужское внимание, которым ме-

ня тут же окружали, стоило нам появиться в какой-нибудь компании. Поэтому он вежливо отказывался и соглашался с шутками, которые тут же сыпались в его сторону, что он отказывается, потому что прячет свою красавицу жену дома.

Июнь подходил к концу, был субботний день, я поскорее закончила свои дела и снова побрела по улицам города. Я шла и улыбалась своим мыслям.

– Ева Адамовна, – услышала и не услышала я одновременно. – Ева Адамовна!

Я вздрогнула и остановилась.

– Кудрявцев, – удивилась я, потому что увидела одного из своих учеников. – Ты что тут делаешь? Живешь где-то поблизости?

– Не то чтобы, – замялся паренек.

– Что-то случилось? – встревожилась я.

– Нет, нет, ничего не случилось, – было видно, что он чем-то расстроен.

– Ох, не верю я тебе Кудрявцев, – вздохнула я.

– Да с братом старшим поссорился, – сказал мальчик. – Он обещал мне дать покататься на велосипеде, а сам не дал, уехал со своими друзьями.

– Согласна с тобой, – сказала я. – Он поступил не хорошо, но это не повод, чтобы заставлять своих родителей волноваться.

– Вы правы, – кивнул головой Кудрявцев. – Я сейчас вернусь домой, только Ева Адамовна можно задать вам один во-

прос.

– Можно, – сказала я. Мы медленно брели с ним по улице, и подошли к тумбе, на которой были вывешены анонсы тех или иных представлений.

– Почему вы меня больше по фамилии называете, чем по имени, – спросил он и посмотрел мне прямо в глаза.

– Почему же, да нет, тебе, наверное, показалось, – ступала я и отвела от него свой взгляд, потому что он был прав.

– Нет, Ева Адамовна мне не показалось, – нахмурился мальчик. – Сейчас же никого рядом нет, скажите мне правду.

Он постоял немного, с опущенной головой, а потом резко вскинул ее.

– Я записывал, у себя в тетради, сколько вы по имени называете других и меня! – сказал он с вызовом. – Меня по имени вы называете меньше всех!

– Дима, – сказала я тихо. – Извини меня, пожалуйста, я была не права.

Я села перед ним на корточки и взяла его за руку.

– Согласна, я действительно называла тебя больше по фамилии, и поэтому я обещаю тебе в следующем году больше так не делать. Ты простишь меня? – я тряхнула его за руку и улыбнулась ему. – Ведь ты не виноват в моем прошлом.

– Он чем-то обидел вас? Тот, кого зовут таким же именем, как и у меня, – мальчик пытливо смотрел на меня.

– Нет, не обидел, – я встала с корточек. – Может быть, те-

бя проводить до дома? – я резко сменила тему, чтобы не ворошить свое прошлое, делая тем самым себе больно.

– Нет, спасибо, я сам, – ответил мне мой ученик. – Я тут недалеко живу. И спасибо Ева Адамовна, вы самая лучшая учительница на свете.

Как только он сказал эти слова, то тут же побежал от меня в другую сторону, и я даже не успела поблагодарить его. Я постояла, посмотрела ему вслед, а когда он скрылся за поворотом, повернулась к тумбе и стала читать афиши, которые были наклеены на ней.

– Ева, – услышала я голос и замерла.

– Ева, – снова услышала я свое имя. Но голос, который звал меня...

Я резко обернулась.

– Ева, – еще раз сказал мужчина, который стоял за моей спиной.

– Ты, – выдохнула я и прижала ладони к губам, чтобы не закричать. Это был он. Мой любимый, которого я так стремилась забыть и не могла. Который приходил ко мне по ночам и, из-за которого я мучилась по утрам.

– Ева, – прошептал Дима и протянул ко мне руки.

Я сначала отрицательно замотала головой, а потом из моей груди вырвался стон, и я бросилась в его расставленные руки.

– Любимая, – шептал он и прижимал меня к себе.

– Димочка, Дима, родной, – я тоже прижимала его к се-

бе и прижималась к нему сама. Нас обоих трясло, мы долго не могли взять себя в руки.

Дима взял мое лицо в свои руки и стал вглядываться в него.

– Все такая же красивая, – прошептал он. Я плакала, и слезы бежали по моим щекам. Он нагнул свою голову и поцеловал меня, а я ответила на его поцелуй.

– Димочка, – шептала я и ничего больше не могла сказать от того потрясения, которое испытывала сейчас.

Мы стояли, обнявшись, и постепенно успокаивались.

– Как ты здесь оказался, – прошептала я. Моя голова лежала на его плече, руки гладили его спину. Мне все еще не верилось, что это он.

– На учебу приехал, – прошептал он в ответ. – Я не знал, что ты живешь в этом городе, гулял и увидел тебя. Сначала глазам не поверил, – он сжал меня в своих руках еще сильнее.

– Я до сих пор не верю, – шептала я.

– Ты все такая же красивая, – повторил он.

– А ты стал настоящим мужчиной, – ответила я ему и мы засмеялись.

Он гладил меня по моим волосам, я гладила его голову. Потом он отстранил меня от себя, осмотрел и одобрительно щелкнул языком.

– Может быть, сходим куда-нибудь, – предложил мне Дима.

– Давай, – я снова нервно рассмеялась от того, что не верилось в происходящее.

– Я искал тебя, – тихо сказал он и снова притянул меня к себе. Я тоже обняла его, и мы замерли. – Прости меня Ева.

– Не надо! – тут же вскинулась я. – Не надо Дима, ты ведь ничего обо мне не знаешь.

Я отстранилась от него, достала из сумочки свой паспорт, который всегда носила с собой и подала ему.

– Ева Адамовна Романовская, – прочитал Дима и посмотрел на меня. – Так вот почему я не мог найти тебя.

Я стояла, смущено глядя на него, он отдал мне паспорт, и я положила его в сумочку.

– Я вышла замуж, за Николая, а он поменял свою фамилию, – тихо сказала я, и Дима кивнул головой.

– Рассказывай, – он взял меня за руку, и мы пошли, как раньше гуляли в своем городе. Я стала рассказывать ему о том, что случилось со мной, моей мамой и Николаем там, на курорте, как ждала его, бегала к поезду.

– А как он оказался с вами на отдыхе, – спросил у меня Дима.

– Не знаю, – я пожала плечами, – мама, наверное, позвала. Я тогда плакала очень, потом уснула, проснулась и глазам не поверила, сначала подумала, что это ты. Он спас меня, – сказала я и посмотрела на него.

Дима кивнул головой, соглашаясь со мной.

– А я не смог, – сказал он.

– Дима, прошу, уже все в прошлом и мы не можем его изменить, ты бы не успел, да и семья была на тебе, я же все понимаю, – я дернула его немного за руку, и он снова кивнул своей головой.

Мы зашли в кафе, сели за столик и заказали себе еду.

– Как дедушка поживает, – спросила я у Димы, пока мы ожидали, когда нам принесут наши блюда.

– Он умер, – сказал Дима. – Сразу же, как мы приехали в новый город.

Было такое ощущение, что он не может смотреть мне в глаза, потому что Дима смотрел то в сторону, то вниз.

– Дима, – я положила свою руку на его руку. – Ты ни в чем невиноват. Никто в этом не виноват. А по поводу дедушки, сочувствую. Я его очень любила.

– Я знаю, – кивнул головой Дима и посмотрел на меня.

– А Ян, как он? – я заулыбалась, вспоминая своего маленького доктора, – не передумал отбивать меня? – засмеялась я во весь голос.

– Ян он, – Дима вздохнул, – как только окончил школу, и ему исполнилось восемнадцать лет, уехал от нас, так и не простил, – тихо закончил он.

Я опустила свою голову и затеребила подол своего платья.

– А ты, – я наконец-то осмелилась спросить его, резко вскидывая свою голову.

– Я живу с мамой, – ответил мне Дима, глядя в глаза. – У меня никого нет.

Я снова опустила свою голову, пытаюсь разобраться со своими мыслями и чувствами. Он был один. Рада ли я этому?

– А меня на учебу сюда отправили, работаю все так же на железной дороге, – он помолчал немного. – И вот встретил тебя, – он погладил мою руку, и я посмотрела на него. – Я очень рад нашей встрече Ева.

– Я тоже, – тихо ответила ему я. – Ты мне снился, каждую ночь, я потом просыпаться не хотела.

– Ты тоже приходила ко мне во сне, – он взял мою руку и поцеловал ее.

Нам принесли наш заказ, мы кушали, пили вино и рассказывали друг другу, как жили порознь, как скучали и уже и не надеялись на встречу. Я рассказала ему об этом городе, как полюбила его.

– Я слышал сегодня, что ты самая лучшая учительница на свете, – засмеялся Дима. – Значит преподаешь?

– Да Дима, – я тут же вся засветилась. – Благодаря тебе, я обрела свое дело, которое люблю и которому предана всем сердцем. Мои ученики, я их просто обожаю, и они любят меня. Я работаю в хорошей школе, у нас дружный коллектив, мы помогаем друг другу.

– Ты вся просто светишься, – продолжал смеяться Дима.

– Спасибо Дима, если бы не ты, – начала я.

– Если бы не я, – перебил меня он.

– Дима, вот именно, – я снова опустила голову, а потом

подняла ее и улыбнулась ему. — Я ведь не знала тогда, на кого учиться, была бы сейчас профессоршей, — мы с ним рассмеялись вместе. — Доктор наук, — пробубнила я, на хмурясь, а потом снова залилась смехом.

Мы выпили наше вино, Дима заказал еще. Было так хорошо. Но не все. Тревожила мысль о Коле, но я отгоняла ее. Он был теперь для меня в другой реальности. Реальной. Я сейчас я была в сказке, своей сказке. И мне так не хотелось уходить из нее!

— Может быть, зайдешь, — сказал Дима, останавливаясь возле гостиницы. — Так не хочется расставаться.

— Хорошо, — сказала я и оглянулась, как будто проверяя, что меня никто из знакомых не увидит.

Дима взял ключи от своего номера, и мы поднялись на его этаж.

— Проходи, — сказал он, открывая дверь, и я шагнула в его комнату, как будто шагнула в пропасть, а потом стала ходить по ней, рассматривая мебель, выглянула в окно на проспект, весь в зеленых деревьях.

— Ева, — Дима подошел и обнял меня. — Я люблю тебя, как раньше, даже может быть еще сильнее. Люблю тебя, Ева.

Он стал целовать меня, его поцелуй был жгучим и страстным, и дрожь наслаждения прокатилась по моему телу.

— Любимая, — шептал Дима, раздевая меня.

— Родной мой, — шептала ему я в ответ, помогая ему избавиться от одежды.

В первый раз нас смел ураган страсти и даже во второй раз движения наши были судорожными и торопливыми.

– Я так скучал по тебе, – шептал он, целуя и лаская мое тело. – Думал о тебе каждый день, где ты, как твои дела, я искал тебя.

– Верю тебе, я тоже думала о тебе, – говорила я и гладила его по голове, – особенно, когда шла в школу, и смотрела на своих учеников. Или по утрам, вспоминая свой сон. Мне так не хотелось открывать глаза, зная, что ты не рядом.

– Любимая, – Дима снова потянулся к моим губам, но на этот раз все было медленно и нежно, мы любили друг друга и не думали ни о чем. Особенно о будущем.

Мы не хотели спать, поэтому старались будить друг друга, чтобы насладиться этой ночью полностью, но под утро сон все-таки сморил нас.

Когда я проснулась, то даже сначала не поняла где я. Дима почувствовал мои движения и тут же прижал меня к себе. Я подняла голову и посмотрела на него.

— Дима, — прошептала я, и он улыбнулся мне, не открывая своих глаз. — Это не сон, — сказала я утвердительно, и он кивнул мне головой, а потом снова прижал к себе и стал целовать и ласкать мое тело.

— Не могу насытиться тобой, — прошептал он, а я застонала ему в ответ.

— Что будет дальше Дима, — сказала я, лежа на животе, а он целовал мою спину.

— Ты поедешь со мной, — спокойно сказал он. — Мама обрадуется тебе, она тоже часто вспоминала тебя.

— А как же, — я не договорила и осеклась, но Дима понял меня.

— Разведешься через суд, — сказал он. — И мы сразу же поженимся.

Я тяжело вздохнула, потому что мне стало жалко Николая, который любил меня и столько для меня сделал. Но Диму я любила, любила всем сердцем, и даже не ожидая встречи с ним, ждала его каждый день, не осознанно, но ждала. И вот он здесь, рядом со мной, целует меня и ласкает.

— Не думай об этом Ева, — сказал Дима, как будто прочи-

тал мои мысли, и перевернул меня на спину, — я люблю тебя. И то, что мы встретились это не случайно, я верю в это. И теперь я тебя никуда не отпускаю и никому не отдам.

— А когда тебе нужно уезжать, — сказала я и погладила его по лицу.

— Вообще-то сегодня, — сказал он. — Моя командировка закончилась еще вчера, я специально взял билет на другой день, чтобы погулять и хоть немного посмотреть этот город и не ошибся, — он сжал меня в своих руках и зарылся лицом в мои волосы. — Встретил тебя, свою любовь, которую уже однажды потерял.

— Хорошо, что документы я ношу с собой, — я глядела в потолок и гладила его по спине. — Дима, а как же вещи.

— Я все куплю тебе, не думай об этом, — он поднял голову и поцеловал меня. — Я встретил тебя, удача снова повернулась ко мне, остальное не важно. Не думай об этом Ева, любимая, не думай ни о чем, кроме как о нас с тобой, о нашей будущей жизни.

Мы еще понежились в постели, но потом нам пришлось встать и принять душ. Постоянно целуясь и смеясь, мы оделись, помиловались еще немного, и вышли из номера в коридор.

Дима сдал ключи, мы вышли из гостиницы, и ничего и никого не замечая вокруг, направились в сторону вокзала. В одной руке Дима держал чемодан, а во второй сжимал меня, обнимая за талию.

Когда мы пришли на вокзал, то удивились немного той суматохе, которая творилась там.

– Ты посиди здесь, – сказал Дима, – а я пойду, билет тебе возьму.

Он пошел сначала в сторону касс, а потом вдруг быстро подбежал ко мне.

– Только не уходи Ева, любимая, – он крепко обнял меня и прижал к себе. – Не уходи, прошу тебя, родная. Я быстро, возьму билет и приду, хорошо? Ты ведь не уйдешь? Ты подождешь меня?

Он смотрел на меня со смесью надежды и страха, ожидая мой ответ. Ведь мне было куда возвращаться, и он знал это. Поэтому так боялся, что пока он ходит за билетом, я уйду, вернусь к своему мужу.

– Я подожду Дима, иди, – улыбаясь, сказала я. – Я никуда не уйду, буду стоять вот тут, – я показала на место, на котором мы с ним стояли, обнимаясь.

– Я быстро, – сказал Дима, поцеловал меня и снова побежал к кассам.

Я огляделась. Все взбудоражено гудели, и я не понимала почему, в чем причина. Раньше все спокойно сидели на чемоданах, или скамейках, если повезет, а сейчас некоторые женщины плакали, мужчины хмурились, махали руками. И еще я пыталась разобраться в своих чувствах, правильно ли я делаю, уезжая и фактически бросая Николая вот так. Как будто сбегая от него. Как он переживет это, как будет

жить дальше. А мои ученики, школа, Антонина Николаевна.

Чем дальше не было Димы, тем больше я уверялась в неправильности своего выбора. Я не хотела так уходить, бежать, как будто с позором. Нужно было все сделать по человечески, объяснить все Николаю, с которым я прожила не один год, попрощаться со своими коллегами учителями, учениками, которые остались в городе. С названной мамой своей Антониной Николаевной. Нужно было сказать все это Диме, и я, пока его не было собиралась с духом.

– Ева, – ко мне подбежал Дима, и я заметила, что он был бледен. – Ева родная.

– Дима, подожди, мне нужно тебе что-то сказать, – перебила я его.

– Нет, нет, Ева это ты послушай меня, – он взял меня за руки и немного тряхнул их. – Я не смог достать тебе билет, но мне нужно срочно вернуться домой, ты понимаешь меня? Срочно.

– Что случилось, – прошептала я, и мои глаза тут же наполнились слезами.

– Война, – сказал Дима, и как будто молния сверкнула в моей голове. – На нас напали в четыре утра, я военнообязанный и поэтому должен срочно вернуться в свой город. Билетов нет, но как только у меня все устроится я напишу тебе. Дай мне свой адрес. Скорее Ева, мой поезд скоро уйдет!

Дрожащими руками я вынула блокнот, который всегда носила с собой и карандашом написала свой адрес, а Дима на-

писал в нем свой.

— Дима, Димочка, как же, — он тащил меня за руку, сквозь толпу к перрону. — Как же я Димочка, как же я без тебя, Дима! Как же я без тебя!

— Ева родная не надо! — он обнял меня и крепко прижал к себе. — Я найду тебя, слышишь? Найду! Я люблю тебя! Ева! Я люблю тебя!

Он целовал мое лицо, волосы шею, а потом, когда состав вздрогнул, и медленно покатился, он схватил свой чемодан и быстро заскочил в вагон.

— Ева, родная, не плачь, — я шла за вагоном, и он держал меня за руку. — Я вернусь, ты слышишь меня? Вернусь и найду тебя, мы будем счастливо жить вместе, я люблю тебя!

— Я тоже тебя люблю! Дима! — закричала я, когда наши руки разорвались от скорости, которую постепенно развивал поезд. Но я еще бежала за ним, Дима кричал мне и махал рукой до тех пор, пока поезд не скрылся за поворотом. Я стояла и смотрела, как хвост состава уползает и увозит от меня мою любовь.

Сколько времени прошло, я не знаю.

— Гражданочка, — ко мне подошел пожилой мужчина в форме, — все, уехал он, воевать, защищать нашу родину. Иди домой, иди, — он взял меня за плечи, развернул в сторону вокзала и легонько подтолкнул к нему.

— Домой, — тихо повторила я и медленно побрела по перрону.

Я шла по улицам города и смотрела себе под ноги. Меня толкали прохожие, но я не замечала этого. Внутри была пустота. Было такое ощущение, что Димы не было вообще, не было этой чудесной ночи, когда я таяла в его руках, его губ, слов. Что я все это придумала сама себе. Я снова была одна, предоставлена самой себе. Мне снова оставалось видеть его только во снах.

– Неужели все это было сном, – шептала я. И даже то, что сказал мне Дима, о том, что началась война, волновало меня меньше. Ведь он уехал, уехал на эту самую войну и мог не вернуться.

Я не знала, куда я шла, но мои ноги знали. Медленно я стала подниматься на свой пятый этаж, когда подошла к своему дому, держась за перила. Открыла дверь своим ключом, сняла туфли, когда зашла в квартиру и прошла в зал.

Хрясь! Моя голова мотнулась в одну сторону от пощечины, которую мне отвесил Николай.

Хрясь! Голова метнулась в другую, и я чуть не упала, но он схватил меня за руки, повыше локтя и сильно тряхнул, так сильно, что дыхание мое перехватило.

– Как ты могла! – прорычал он. – Как ты могла! За что!

Он снова тряхнул меня с силой, и моя голова безвольно мотнулась из стороны в сторону.

– Я все делал для тебя! Все! Остался в этой стране! Женился на тебе, теряя все, что наработал за годы тяжелых и упорных трудов! Работал на двух работах, пока ты училась!

Ты ни в чем не нуждалась! Устроил работать в лучшую школу города! Дарил тебе дорогие подарки! Я дарил тебе свою любовь! За что ты так со мной?! – заорал он мне в лицо и снова потряхнул меня.

– Неужели тебе этого было мало?! Ева! Неужели я мало старался! Я все делал для тебя! Ради тебя! Но как только появился он, ты тут же побежала к нему! Я видел вас! Как вы выходили из гостиницы! Ты спала с ним! А он снова бросил тебя да?!

Николай зло рассмеялся.

– Он снова бросил тебя! Бросил, как тогда! Бросил тебя, дуру! И ты вернулась! Вернулась ко мне!

Он вдруг рыкнул и резко прижал меня к стене. Я больно ударила головой и застонала.

– Продажная девка! – Николай снова отвесил мне пощечину и из моих глаз брызнули слезы. – Я любил тебя! Все тебе давал! А ты запрыгнула к нему в постель, даже не думая обо мне!

Он вдруг начал срывать с меня платье, вообще всю одежду.

– Не надо, – шептала я и пыталась убрать его руки. – Коля не надо!

– Тварь, тварь, тварь, – рычал он, раздирая на мне остатки нижнего белья, а потом грубо схватил и повалил на кровать. – Продажная тварь.

Он стал кусать и щипать меня, стараясь причинить как

можно больше боли, потому что его самого разрывало на части от обиды и непонимания. Я извивалась под ним, стараясь освободиться, но он только рычал и злобно смеялся, над моими жалкими попытками. Он все делал грубо и больно, я сначала кричала и стонала в ответ. А потом я перестала чувствовать боль, просто лежала и ждала, когда Николай насытится своими пытками.

Он тоже затих, когда почувствовал, что сопротивления с моей стороны больше нет. Николай лежал на мне, тяжело дыша.

– За что, за что, за что, – шептал он, а потом не выдержал и заплакал.

– Прости, – шептала я в ответ и тоже плакала, потому что понимала, что одних слов тут мало. Они не принесут облегчения ни ему, ни мне. Жгучий стыд стал заполнять всю меня, выжигать изнутри. Только сейчас я поняла, как была не права! Я создала свою сказку, поверила в нее, отдалась ей, забывая о человеке, который спас меня. И столько сделал... Как я могла так поступить с ним! В угоду себе! Своим чувствам!

Я застонала от разочарования. Разочарования в себе. И от той боли, которую я принесла человеку, который был ни в чем не виноват. Но что мне было делать дальше, я не знала.

Николай встал, оделся, не глядя на меня и ушел. А я осталась одна. На этот раз действительно одна, потому что я не знала, простит ли он меня, вернется ли вообще домой. Или вообще, выгонит меня из квартиры. Потому что это бы-

ла его квартира.

Медленно я встала, умылась, не глядя на себя в зеркало, потому что была отвратительна сама себе, надела свой любимый халат, который мы выбирали с Николаем вместе, села на стул возле окна и стала ждать. Ждать своего будущего, потому что настоящим я пренебрегла, разрушила в угоду своей мечте, кстати, так и не состоявшейся. В наши судьбы снова вмешался какой-то злой рок, который не давал нам быть вместе. Дима уехал, а я осталась тут и ничего хорошего впереди для себя я не видела. Поэтому я просто сидела и смотрела в окно, ничего не видя перед собой. Я просто сидела и смотрела в окно...

Прошло несколько тяжелых недель. Николай возвращался домой поздно, и чаще всего пьяным. Он обзывал меня, пока я раздевала его, укладывала в постель, а я была рада хотя бы тому, что он возвращался домой и поэтому молчала.

Кушали мы теперь молча, да и почти не ели, так, отщипывали кусочки, запивали чаем и не смотрели друг на друга. Иногда я просыпалась ночью и видела свет, который шел из кухни. Я вставала, шла на него и видела Николая, который сидел, сгорбившись, за столом перед рюмкой водки, и смотрел на нее, но не пил. Тогда я стояла возле дверей и ждала, когда он выпьет ее и пойдет спать.

Я заболела, поэтому сидела дома. Николай был на работе, шла война, ему становилось все тяжелее и тяжелее. Однажды он пришел домой и положил на стол бумагу. Я взяла ее, и упала на стул, потому что ноги подогнулись и не держали меня. Это была бронь. Ему отказали в отправке на фронт, потому что он был ценным сотрудником. Я поняла, что он просился на передовую, может быть даже из-за меня. Я уронила голову на стол и заплакала. Мне было горько и обидно, за себя, из-за себя. Смотреть в сторону Николая я еще не решалась, поэтому плакала одна, а он просто стоял рядом, не предпринимая никаких попыток, чтобы успокоить меня.

Теперь я смотрела в окно, заклеенное крест-накрест. Но я

не просто смотрела, а ждала. Ждала Николая домой, и каждый раз тихо вздрагивала, когда видела его знакомую фигуру. Я понимала, что так долго продолжаться не может, и поэтому каждый день боялась, боялась его решения. Теперь я боялась его потерять. Мне ничего не было от него нужно. Только он сам.

В один из таких дней, я задремала, сидя на стуле, когда услышала, как ключ поворачивается в замочной скважине. В зал зашел Николай и посмотрел на меня. Я медленно встала со стула, понимая, что этот день, этот час настал. Я думала, что это час моей расплаты. Но оказалось...

– Иди ко мне, – тихо сказал он и расставил свои руки.

Я кинулась к нему, он обнял меня, и мы затихли. Я не плакала, не просила прощения. Просто стояла с закрытыми глазами. Моя голова, лежала на его груди. Я вдыхала такой знакомый, родной для меня запах.

– Поцелуй меня, – прошептал Николай. Я подняла свою голову, заглянула ему в глаза, погладила по его голове, а потом притянула ее к себе и поцеловала его в губы. Он взял меня на руки и отнес на кровать. Неспешно, шаг за шагом, мы раздели друг друга. Все еще целуясь. А потом были нежность и любовь, страсть наших тел.

– Ева, – прошептал Николай, когда мы уже просто лежали и отдыхали рядом. – Я не думал, что скажу тебе это, но я, – он замолчал, а я ждала его слов, поглаживая его по спине. – Я даже где-то рад, что все так получилось.

– Коленька, – прошептала я ему в ответ. – Я тоже не думала, что скажу такое, но я тоже рада, что все так случилось, потому что я увидела тебя. То наваждение, с которым я жила, все эти годы прошло, с моих глаз как будто спала пелена, я увидела твою любовь и заботу, и очень испугалась, что потеряю тебя, Коленька.

Он прижал меня к себе и зажмурил глаза, скрывая свои слезы.

– Прости меня, родной мой, прости, – я заплакала, освобождаясь от той боли, которая еще сидела во мне.

– Не надо Ева, давай забудем, – он гладил меня по голове и успокаивал. – Главное что ты поняла. Теперь мы заживем по-другому, все остальное для меня теперь не важно.

И мы действительно зажили по-другому. Теперь Николай не задерживался на работе, а сразу же бежал домой. То же самое делала я. Больше я не гуляла по городу одна, а бежала скорее в нашу квартиру, потому что думала, а вдруг Николай уже там, один и ждет меня. Гуляли мы теперь только вдвоем, в спокойное время и в хорошую погоду. Или просто могли сидеть дома, обнимаясь, и разговаривая, осуждая прожитый день. Мы не замечали, что твориться вокруг, потому что были счастливы, счастливы тем, что обрели друг друга.

– Жаль, что я больше не могу баловать тебя подарками, – говорил иногда Николай, целуя меня в шею.

– Коленька, – смеялась я, – не нужны мне никакие подарки, мне нужен ты.

Я проводила по его щеке рукой, он целовал меня, брал на руки...

– Коленька, – спросила я у него, когда моя голова лежала на его груди, а он гладил мое тело своей рукой.

– Обожаю, когда ты так произносишь так мое имя, – прошептал он и поцеловал меня в макушку, – что хотела моя любимая.

– Тогда, на юг, тебя мама позвала или ты сам поехал, – спросила я у него вопрос, который иногда не давал мне покоя.

– Твоя мама сказала, о том, что вы едите в санаторий, а я предложил свои услуги, – он снова поцеловал меня в макушку, – и как видишь, оказался прав.

– Да, – я подняла свою голову и посмотрела на него. – Очень даже прав. Если бы не ты тогда, даже боюсь представить, что бы сейчас со мной было.

– Не представляй, не надо. Открою маленький секрет, мне тогда тоже было страшно, крепился ради тебя. Я даже больше тебе скажу, – сказал Николай и повалил меня на спину. – Там в гостинице, помнишь, когда автобус сломался, я еле сдержал себя, чтобы не лечь рядом с тобой, и делать вот так, – он стал целовать меня, и ласкать, я смеялась и отвечала ему тем же.

– Правильно тогда сделал, только бы напугал юную девушку, – говорила я ему в ответ. – Зато сейчас можешь это делать столько, сколько захочешь.

– Да, – прошептал Николай и больше мы не разговаривали, а наслаждались друг другом.

А я заново влюблялась, влюблялась в своего мужа, бежала к нему на встречу как на крыльях. Боже мой, я пропустила столько лет, но мы еще молоды, у нас все впереди, у Николая бронь и его не заберут на фронт, как забрали уже у моих коллег женщин. И не только мужей, на фронт уходили отцы, братья и даже сестры. Учительницы тихо плакали, сидя на диванчике и мне было стыдно, стыдно от того, что мой муж рядом и я счастлива с ним. Поэтому в такие минуты я выходила из учительской, тихо прикрывая за собой дверь.

Оставаясь наедине с собой, я иногда задумывалась о Диме, старалась представить, что с ним, где он может быть сейчас. Моя душа больше не ныла, когда я вспоминала его, не болела. В какой-то мере мне было даже стыдно, но только теперь перед ним, потому что он где-то там, на фронте воевал, рисковал своей жизнью, а я была тут, в относительной безопасности, а главное, была счастлива, и счастлива не с ним, а с другим мужчиной, моим мужем. Моим Коленкой. Я тут же начинала улыбаться и торопить время, которое, как будто издеваясь надо мной за мои прошлые ошибки, застывало на месте, а я так уже хотела видеть его, прижиматься к нему, и чувствовать его сильные, но одновременно такие нежные, руки на своем теле. Его низкий голос слышался теперь мне повсюду. Казалось Николай рядом со мной везде, где бы я ни была и следует за мной повсюду. Я думала о нем,

стоя в очереди за продуктами, по дороге домой, улыбалась, и надеялась, что мой Коленька думает обо мне так же.

Была середина августа. Николай вернулся домой после рабочего дня и удивился. Свет не горел ни в зале, ни на кухне. Он быстро разулся, зашел в комнату и в полумраке увидел, что я сижу на своем уже таком привычном месте, на стуле возле окна.

— Ева, что случилось, — сказал он и включил настольную лампу.

Я медленно встала и стала теревить поясок от халата.

— Ева, милая, — он взял меня за руки, — не пугай меня, прошу, просто скажи, в чем дело.

— Коленька, — я посмотрела на него, — я не хотела, не думала, что так получится.

— Что, что получится Ева, — уже раздражаясь, сказал Николай.

— Я беременна, — сказала я тихо. — Это твой ребенок, потому что после того, у меня, в общем, были, а потом нет и нет, я пошла к врачу, он сказал, что я беременна, — закончила я тихо и виновато посмотрела на него.

Николай стоял в каком-то оцепенении и тоже смотрел на меня.

— Коленька, — тихо позвала я его и дотронулась до его щеки. Мне стало страшно, почему он не двигается, может быть, он не верит что это его ребенок?

Николай вздрогнул, отпустил мои руки, вдруг встал на колени, уткнулся лицом в мой живот и обнял меня.

– Любимая, – прошептал он. – Ева, родная.

Казалось, больше говорить он не может. Николай стоял на коленях и плечи его подрагивали. Я гладила его по голове и тоже глотала свои слезы.

– Я так счастлив, – сказал он, когда поднял свое лицо.

– Коленька, сейчас такое время, война, – сказала я снова виноватым голосом.

– Мне все равно, все равно! У тебя будет все самое необходимое, самое лучшее! – крикнул Николай и вскочил с колен. – У меня будет ребенок! – заорал он и заметался по комнате. – Наш ребенок! Твой и мой! Я стану папой! Господи! – он схватил себя за волосы. – Я сейчас сойду с ума, – прошептал Николай.

– Не надо, – смеялась я сквозь слезы. – Нашему малышу нужны оба родителя и мама и папа.

– Папа, – прошептал он, схватил меня на руки и закружил по комнате. – Ева, любимая спасибо, спасибо тебе!

– Коленька, – громко смеялась я, запрокинув свою голову, – ой, поставь меня на место, у меня голова кружиться.

Он тут же поставил меня на место.

– Это надо отметить. Это надо отметить Ева! В ресторан сейчас не ходить, но! – с этими словами он побежал на кухню и принес бутылку вина, – берег на твой день рождения, но сегодня такой случай. Ева, – прошептал он и обнял ме-

ня. — Я уже и не надеялся, столько лет, и надо же, но это не важно, — тут же с жаром заговорил он. — Не важно, любимая! Так закусочку принесем, — он стал метаться из кухни в зал, а я сидела на стуле и смеялась, наблюдая за Николаем, и была так счастлива в эти минуты!

Когда он накрыл на стол, то поставил свой стул рядом с моим стулом, разлил по бокалам вино, и один бокал подал мне.

— Так нет, — вдруг одернул он свою руку. — Тебе нельзя.

— Один бокал можно Коленька, — сказала я. — Это же вино.

— Хорошо, — довольно заулыбался Николай, — один бокал для будущей мамы. Поверить не могу, — покачал он своей головой, и снова подал мне бокал с вином, обнял меня за плечи, притянул к себе и мы стукнулись бокалами.

— За нашего малыша, — торжественно сказал Николай и неожиданно выпил весь бокал сразу.

— Ооох, — прорычал он. — Мальчик будет учиться в самой лучшей школе города, потом пойдет в армию, это обязательно, — говорил Николай, жуя закуску.

— А если будет девочка, — тихо сказала я и отпила небольшой глоток вина.

— На руках буду носить, — тут же сказал Николай, — на этой руке доченьку, а на этой ее маму, — он потянулся к моим губам и поцеловал меня. — Так, теперь за нашу маму, правда, малыш? — сказал он, нагибаясь к моему животу, и я засмеялась.

Мы снова выпили, Николай стремительно пьянел, а я пила мелкими глотками и кушала то, что он накладывал мне в тарелку.

– Ешь, – говорил он, – кушай, давай, теперь тебе много надо кушать, за себя и для нашей лялечки.

– Коля, куда столько, – протестовала я. – Я так лопну.

– Не лопнешь, – говорил он и наливал себе еще вина.

– За что выпьем? – спросил он у меня и снова чмокнул в губы.

– За нашего папу, конечно же, – сказала я и сама поцеловала его. – Я уверена, что ты будешь самым лучшим папой на свете.

– Буду, – кивнул головой Николай. – Все для вас сделаю, жизнь отдам, если нужно.

– Не надо, не говори так, – на мои глаза тут же навернулись слезы.

– Все, все, не буду, только не плач, – испугался Николай и стал вытирать мои слезы с лица. – И вообще Ева, пообещай мне, – он снова поцеловал меня.

– Что, – сказала я тихо.

– Теперь ты никуда не ходишь одна, поняла меня? Только со мной, – он поднял один палец вверх.

– Но как же Коленька, нужно за продуктами, – начала, было, я.

– Я сам! – громко сказал он. – Я все буду делать сам, ты только береги себя сейчас еще больше, прошу тебя, – гово-

рил Николай, и смотрел на меня с мольбой. – Так я за одну тебя боялся, теперь буду бояться за двоих.

– Ты же на работе с утра до вечера, – я пыталась привести его в чувство.

– Это не твоя забота любимая, – он щелкнул меня по носу и засмеялся, – какая ты у меня смешная, и красивая, а главное моя Ева. Ты моя и ребенок мой.

Он всхлипнул и быстро выпил бокал вина.

– Давай думать имена! – Николай хлопнул по столу.

– Коля, какие имена, ребенку всего две недели, – смеялась я. – У него еще ни ручек, ни ножек нет.

– Будет, – тряхнул Николай своей головой, сполз со своего стула на пол и снова прильнул своим лицом к моему животу. – И ручки у тебя будут, и ножки, и мама у тебя будет и папа.

Он стал целовать живот прямо через халат, потом рукой провел по моей ноге, поднимаясь все выше и выше, потом по второй. Он молча поднялся с колен, взял меня на руки и отнес на кровать.

– Всю жизнь на руках тебя буду носить Ева, – шептал он.

– Коленька, родной мой, – шептала я в ответ.

С этого дня так и повелось. Николай контролировал каждый мой шаг, часто звонил по телефону, проверяя дома ли я. Но чаще всего он отвозил меня к Антонине Николаевне, та была очень этому рада. Я уже сказала ей про ребенка, и она тоже стала, как и Николай усиленно кормить меня. Я отнекивалась, потому что знала, что с каждым днем с продовольствием в городе становиться все хуже и хуже. Но ничего не помогало. Она рассказывала мне, как ухаживать за ребенком, учила пеленать его на кукле, которая осталась после ее дочери, как и во сколько месяцев, чем кормить. Я слушала ее внимательно, ведь помощь не всегда будет рядом.

— Вы будете бабушкой, — говорила я ей, и она, как моя мама, промокала платочком свои глаза.

По вечерам, когда Николай возвращался с работы, целовал сначала меня, потом мой живот и спрашивал у него, хорошо ли себя вела мамочка, не обманывала ли она сегодня папочку. Я смеялась и говорила, что мамочка хорошо себя вела, и папочка может не волноваться. После этих слов он доставал что-нибудь вкусненькое из кармана, и я искренне радовалась этому, чем радовала его.

Но не все было так гладко. У меня появились головокружения, и когда я в первый раз упала в обморок, очень испугала Антонину Николаевну, которая тут же кинулась зво-

нить Николаю. Тот примчался, стал уговаривать меня сходиться в больницу. Но я сказала, что меня там уже предупредили об этих приступах, и еще обрадовали тем, что меня может тошнить по утрам.

– Это все естественно Николай, – успокаивала его Антонина Николаевна. – Зачем же так все принимать, близко к сердцу, – похлопывала она по его руке.

Но он как будто действительно сошел с ума. Теперь я и к Антонине Николаевне не могла ходить, и ей приходилось приходить ко мне. Гуляла я теперь только с ним, и он крепко держал меня за руку, на случай, если приступ повториться снова. Я пыталась с ним поговорить, но все было бесполезно. Тогда я обижалась на него, говорила, что ребенок ему важнее меня. Николай просил у меня прощения и говорил, что ничего не может с собой поделать. И что на работе его уже называют сумасшедшим папашей.

Однажды, я как обычно сидела дома, только уже не возле окна, потому что он запретил мне возле него сидеть, и вязала пинетки для будущего малыша. В квартиру влетел взъерошенный Николай, который был бледен. Я вскочила со стула, тут же испугавшись такого его вида.

– Быстро Ева! – крикнул он, вытаскивая оба наших чемодана из под кровати. – Бери только самое необходимое, слышишь? Только теплые вещи.

– Что случилось! – крикнула я и прижала свое вязание к груди. – Коленька, что происходит!

– Ева милая, некогда объяснять прошу тебя, мне дали всего полчаса на сборы, – говорил он и кидал свои вещи в чемодан. Я же стояла, в каком-то ступоре и не двигалась.

– Ева! – крикнул он. – Город окружают немцы, он скоро окажется в кольце, наш завод эвакуируют вместе с семьями. Сегодня уходит последний поезд, поэтому прошу тебя, возьми себя в руки! Собирай чемодан!

Я вздрогнула, подбежала к шкафу и стала перекладывать из него вещи в свой чемодан.

– Никаких платьев и туфель, только теплые вещи, мы едем на север, – говорил Николай, утрамбовывая свой чемодан. – Где твоя сумочка, – он сбегал в прихожую и вернулся из нее с моей дамской сумочкой. – Ева смотри, в этой сумочке все наши документы, – с этими словами он подбежал к моей шкапулке и стал выбрасывать из нее драгоценности. – Тоже пригодятся, – бормотал он. – И в этой сумочке все твои драгоценности. Держи ее всегда при себе, поняла меня? – спросил он с нажимом, потому что видел, что я еще плохо понимаю, что происходит. – Всегда при себе Ева! – повторил он.

Я молча кивнула головой, давая ему понять, что я приняла его информацию и стала продолжать упаковывать свой чемодан.

– Быстрее, быстрее, – он закрыл мой чемодан и стал помогать одевать мне осенние сапожки, пальто, а потом нахлобучил на мою голову шапку. – Жаль зимние вещи уже не успеем упаковать, ну да ладно, лишь бы живыми добраться, а там

уже разберемся.

– А как же квартира Коля, что будет с ней, – я оглядывала нашу комнату, ставшей мне такой родной, которую я с такой любовью украшала все эти годы.

– Мы вернемся, мы обязательно вернемся родная, и если она останется целой.

Гудок, раздавшийся снизу, перебил его. Николай выглянул в окно.

– Все Ева, нам пора, – сказал он и взял меня за руку.

– Давай присядем, хотя бы на дорожку, – я села на стул, увлекая его за собой на соседний.

– Только быстро, – сказал Николай, – мне тоже жаль уезжать с нашей квартиры, поверь мне, но так нужно, – он поцеловал меня в висок. Машина загудела второй раз.

– Теперь точно пора, – я еще раз быстро оглядела нашу квартиру, в которой мы оставляли все, что нажили за эти годы. Николай взял наши чемоданы, и мы вышли с ним из квартиры, которую он закрыл, а ключ положил в мою сумочку.

Он почти бегом побежал вниз, и мне тоже пришлось бежать за ним. Николай закинул чемоданы в кузов машины, помог забраться сначала мне, а потом сел сам.

Машина тронулась, а я все пыталась оглянуться, чтобы еще раз увидеть наш двор, потому что не знала, будет ли он вообще существовать, вернемся ли мы в него еще.

– Антонина Николаевна! – вскрикнула я. – Коленька, род-

ной, прошу тебя! – я стала теревить его рукав, уговаривая.

– Черт! – выругался тот и сказал водителю адрес дома, где жила моя вторая названная мама.

– Что я вам такси что ли, – заворчал тот, но поехал по указанному адресу.

– Антонина Николаевна! – заорала я, едва Николай помог мне выбраться из кабины. – Антонина Николаевна!

Я побежала к подъезду, забежала в него и стала бегом, перепрыгивая через ступеньки подниматься на ее этаж.

– Что случилось! – из своей квартиры выбежала пожилая учительница.

– Я уезжаю, – говорила я, тяжело дыша, – я уезжаю мама!

Мы кинулись к ней, обнялись и обе заплакали.

– Поехали с нами, – стала уговаривать я ее. – Я попрошу Николая, он возьмет вас, поехали с нами!

– Нет Евочка доченька моя, – она гладила меня по лицу, как когда то, прощаясь со мной, делала моя мама. – Я останусь тут, с детками, а ты езжай, береги себя родная, и ребеночка своего береги.

– Антонина Николаевна, – рыдала я. – Мамааа...

– Ева! – услышали мы с ней голос моего мужа. – Ева! Пора!

– Все иди, иди, – стала толкать меня к лестнице, Антонина Николаевна, но я все еще цеплялась за нее. Тяжело дыша, на лестничной площадке появился Николай.

– Берегите ее, – он обнял пожилую учительницу, а она его.

– А вы берегите себя, – сказал он. – Простите нас.

– Все, идите, идите! – почти выкрикнула она.

Николай схватил меня за руку и поволок вниз по лестнице. Я все еще плакала, меня трясло, в голове бились мысли, за что? Почему? Почему это происходит со мной снова?

Мы забрались с ним в кабину, и машина поехала к вокзалу. Я смотрела в окно на улицы и дома, которые были еще целыми. Мимо стала проплывать моя школа, окна которой мертво мерцали. Почти всех учеников эвакуировали, с кем могла я попрощалась. Особенно с Димой Кудрявцевым, которого я обещала называть по имени в новом учебном году, а получилось вот так. Он старался сдержать свои слезы, но не смог. И мы плакали с ним вдвоем, обнимаясь, перед тем, как он уехал. Я тогда долго гуляла по пустеющему на глазах городу.

Вокзал напоминал дурдом. Кричали дети, ругались мужчины и женщины. И было просто море народу! Все хотели попасть на этот последний поезд.

– Так Ева, – прорычал Николай, – нам нужно на перрон. Я держу оба чемодана, а ты держись за меня, крепко держись!

Я вцепилась в него, и опустила свою голову, чтобы не видеть этих людей. Николай сделал звериное лицо и потащил меня сквозь толпу. За нас стали цепляться, пару раз меня чуть не оторвали от Николая, но он прижимал свою руку, в которую я вцепилась, к своему телу, помогая мне держаться за него. От страха я стала немного подвывать, думая толь-

ко об одном, как бы выбраться на перрон.

Но когда мы вышли на него, легче не стало! Николай упорно тащил меня дальше.

– Сиди здесь Ева, – сказал он, ставя оба чемодана. – Никуда не уходи, поняла меня?

Я кивнула головой не в силах произнести ни слова и села на чемоданы.

Он оглянулся и подозвал молодого солдата, который стоял возле одного из вагонов.

– Это моя жена, она беременна, я главный инженер завода, который эвакуируют, головой отвечаете за нее.

Солдат вытянулся и кивнул головой.

Николай побежал дальше по перрону, а мы с солдатом остались вдвоем, не считая спящих пассажиров.

– Вам страшно? – спросила я у солдата.

Тот посмотрел на меня. Совсем молоденький паренек, который был, скорее всего, курсантом, какого-нибудь из училищ города.

– Очень, – честно ответил мне он. Я протянула свою руку и погладила его по руке.

– Вы держитесь, – сказала я, потому что больше не знала, что ему сказать, ведь я уезжала, а он оставался здесь.

Он кивнул мне головой и нахмурился.

Николая долго не было, у меня уже затекли ноги и спина. Я крепко прижимала к себе сумочку, как самое дорогое, что у меня было. Солдат хмурился и хватался за свою винтовку,

которая была в его руках, когда кто-то проходил слишком рядом со мной, охраняя меня.

– Так все Ева пошли, – ко мне подбежал мой муж, и я тут же встала с чемоданов. – Спасибо, – он пожал руку солдату, тот откозырял нам и снова встал на то место, с которого его позвал Николай.

Мы стали продираться на свои места. Народу было много, Николай тащил оба чемодана и меня. Немного радовало и успокаивало, что вагон был купейным, видимо для высшего состава завода. Николай с трудом открыл дверь, затолкнул сначала меня, а потом зашел в него сам. В купе уже сидели две пожилые женщины и девочка, которая испуганно жалась к одной из них. Я плюхнулась на свое место, Николай сел рядом, вытирая дрожащей рукой пот со лба. Почти сразу же за нами в купе пролез полный мужчина, который стал, почему-то, кланяться, просить прощения у дам. Он сел рядом с Николаем, они поздоровались, пожали друг другу руки.

– Думал, не успею, – прошептал мужчина.

Вагон дрогнул. Вой и крики на перроне стали еще громче. Я прижалась со всей силы к Николаю.

– За что, за что, – шептала я.

Он гладил меня по спине и успокаивал, что все будет хорошо, мы вернемся, у нас скоро будет наш малыш. А на самом деле в его глазах стояли слезы. Это был его город. Город в котором он родился и вырос, в который вернулся с любимой женщиной и в котором мечтал растить своих детей. Ко-

торый любил всем сердцем. А сейчас ему приходилось бежать, именно бежать из него, чтобы спасти не только себя, а свою семью, которой он дорожил больше жизни.

– Я выполню свое обещание, – прошептал он. – Выполню.

Когда поезд набрал скорость, мы увидели вспышки взрывов. Это бомбили наш город. Женщины и я заплакали. Плакали и оба мужчины, которые находились в этом купе.

– Будьте вы прокляты, – шептал мужчина.

– Будьте вы прокляты, – шептали за ним женщины.

Я же просто плакала, прижимаясь к Николаю, не в силах произнести ни слова. Красивые дворцы, Эрмитаж, Петергоф, набережная Невы, наше наследие, наша история, искусство нашей страны беспощадно уничтожалось темной вражеской силой, которой казалось, было мало человеческих страданий.

Наш поезд увозил нас все дальше и дальше, в неизвестность. Но мы хотя бы были свободны. Потому что кольцо вокруг Ленинграда сжималось, и мы чудом успели выбраться из него.

До свидания город, который я полюбила. До свидания все, с кем я была там знакома, моя школа, ученики, коллеги. И снова прощай моя названная мама. То, что она не переживет эту войну я не сомневалась. Слишком пожилой она была.

Под стук колес, от покачивания вагона, я уснула в крепких руках Николая, который обнимал меня и прижимал к себе. Я чувствовала его защиту, поэтому могла себе позволить рас-

слабиться. Я знала, я верила, он сделает все для меня, а сейчас еще и для своего ребенка. Было немного страшно, что Господь послал нашего малыша в такое трудное время, но я утешала себя тем, что рядом со мной мой муж, который любил меня, которого полюбила я. Он сильный и справиться с любыми невзгодами. С ним, я как за каменной стеной. Мои родители были правы, только о том, что они сделали для меня, я не знала.

Глава 2

— 1 —

С каждым днем становилось все холоднее и холоднее. Николай кутал меня, как мог, приносил еду, которую покупал или выменивал на станциях и горячую воду, и даже иногда чай. Но все остальное время был рядом, все время спрашивал, как там малыш. Я отвечала ему, что с таким заботливым папой нашему малышу очень хорошо.

Николай так же помогал и двум женщинам, который были с его завода. Девочка все время плакала, иногда капризничала. А мужчина громко храпел, когда спал или тяжело дышал, когда сидел рядом с нами. Но для меня все это было не важно. Главное, что мы были в относительной безопасности, я была не одна, под защитой своего мужа.

Немного пугали длинные остановки. Николай старался мне ничего не рассказывать, чтобы не пугать и не тревожить, но я все равно слышала, что взрывом разорвало рельсы и теперь их заменяют. Хорошо, если поезд останавливали на какой-нибудь станции, а не в поле, где дул холодный пронизывающий ветер. Поезд шел на север, и каждый раз, просыпаясь утром, я видела, как меняется местность, и ощущала изменение погоды. Я уже потеряла счет дням, сколько мы бы-

ли в пути, казалось, что мы проехали уже всю страну, а все никак не доедем до своего пункта назначения.

Когда Николай выходил на перрон и возвращался в наше купе, мы все с надеждой смотрели на него, ожидая хороших новостей с фронта, или что-нибудь о нашем городе.

– Блокада, – однажды сказал Николай. – Ленинград взяли в кольцо. А наши войска отступают.

Я заплакала вместе с женщинами, а мужчины еле сдерживали свои слезы.

Однажды рано утром нас разбудил крик женщины, которая ехала с нами вместе в купе. Николай приказал мне сидеть на месте, но я слышала какой-то хрип и хотела вскочить, но он усадил меня на место и рявкнул, чтобы я не высывалась из под одеяла, а сам побежал к начальнику поезда. Мы стояли на остановке. В купе забежали санитары, которые стали стаскивать мужчину с полки и перекладывать его на носилки. Ни смотря на недоедание, он все еще был крупным, санитары и Николай, который помогал им, кричали от напряжения. Его вынесли из купе, а я помогала женщинам успокаивать девочку, которую одна из них напугала своим криком.

Когда Николай вернулся, мы все вопросительно посмотрели на него. Он отрицательно помотал головой, что обозначало, что мужчина скончался, так и не доехав до конца пути. Женщины заплакали, а я прижалась к мужу еще сильнее.

– Коленька, – прошептала я и посмотрела на него. Он уви-

дел в моих глазах страх.

– Нет, Ева, – сказал он, – со мной такого не случиться. Этот мужчина был болен, а я здоров. Мне нельзя болеть, ведь я в ответе за свою семью.

Он приподнял мое лицо и, так как мы были в купе не одни, легонько поцеловал меня в губы.

– Все будет хорошо, – прошептал он, и я заулыбалась ему в ответ.

Мы продолжили свой путь. Женщинам стало немного легче, потому что на освоившейся полке спала теперь девочка. Николай спал со мной, согревая своим телом и крепко прижимая к себе. В такие минуты я улыбалась, даже во сне. И вот что было странно. Вокруг был холод, недоедание, страх, война, а мне было все равно. Для меня важно было, что Николай был рядом со мной, любил меня, а я его. Я еще не сказала ему этих слов, хотела это сделать, когда мы приедем, чтобы все было красиво. Я представляла себе этот вечер, его реакцию, и жмурилась от удовольствия. Мне казалось, что поезд не едет, а ползет, так поскорее хотелось и сделать это. Я все время спрашивала у мужа, когда мы приедем, и ему ничего не оставалось, как отвечать мне, что скоро.

Так мы и ехали, я в своих грезах, Николай в заботах. Он еще на остановках бегал и проверял оборудование, которое везли на север, потому что был ответственным за него. Вот и в этот вечер, все было так же, как и в предыдущий. Мы попили горячего чаю, посетовали на войну, и легли спать. Ни-

колай обнимал, прижимал меня к себе и шептал мне слова любви, иногда целуя в шею. Я тихонечко хихикала, и шептала ему в ответ, что он у меня самый лучший.

– Правда самый лучший, – шептал он и счастливо улыбался.

– Правда Коленка, правда, – говорила я ему в ответ, и слова любви, так и просились наружу. Но я терпела и не говорила их, потому что нарисовала себе красивую картинку, и хотела, чтобы все было именно так, как я задумала.

– Коленька, – шептал Николай, – как же я люблю, когда ты так называешь меня. И тебя люблю Ева, и малыша нашего.

Он погладил меня по животу. Я закрыла глаза, и счастливо улыбаясь, заснула.

Зато проснулась я в аду. Кругом все гремело, женщины орали, девочка редела во весь голос.

– Быстрее! – заорал Николай. Он рывком поднял меня, и больно стукнув по груди, сунул в мои руки мою дамскую сумочку, а потом сунул в руку мой чемодан. – Береги это Ева! – крикнул он. – Это единственное что осталось! Береги! Слышишь меня?!

Я быстро закивала головой, все еще не понимая, что происходит. Он схватил меня за руку и поволок из вагона, расталкивая людей, которые тоже выскакивали из своих купе. Николай выпрыгнул первым, помог спрыгнуть на землю мне. Вокруг слышались взрывы, в их вспышках я увидела людей, которые бежали от поезда, который стоял. Николай тоже по-

ташил меня к одной из воронок и толкнул в нее.

– Сиди здесь Ева и не высовывайся! – крикнул он.

– Коленька ты куда! – закричала я. – Не уходи Коленька!

– Я должен помочь другим! – крикнул он и снова побежал к поезду.

От взрывов, которые раздавались, казалось повсюду, я вздрагивала и попискивала, прижимая к себе сумочку и чемодан, потому что так мне велел Николай. Я не знала, сколько прошло времени, мне было страшно, и поэтому я решила вылезти из ямы и посмотреть, что твориться вокруг, и где мой муж. Помогая себе ногами, я выкарабкалась на поверхность и высунула свою голову. Люди все еще бежали от поезда. Я видела, как Николай помогает спрыгивать людям с вагонов, женщин он приобнимал, прикрывая их от земли, которая летела со всех сторон, и, так же как и меня, толкал их в воронки.

– Коленька, Коленька, – шептала я, – скорее, иди ко мне.

Он оттолкнул очередную женщину в воронку, повернувшись, чтобы бежать в сторону поезда. И вдруг... Противный писк, который шел, откуда то с неба. Николай повернулся в мою сторону и наши глаза встретились.

– Я люблю тебя! – заорала я. – Коля! Я люблю тебя!

И вдруг он исчез. Прямо на моих глазах.

А потом взрыв. Меня откинуло взрывной волной и засыпало землей. Я провалилась в черноту, и больше ничего не ощущала и не помнила. Ничего. Даже того, что Нико-

лая, моего мужа, мужчину, которого я наконец-то полюбила,
больше нет.

— Она живая, — услышала я сквозь пелену и застонала. — Вытаскивайте, вытаскивайте ее.

Я чувствовала, как меня куда-то тянут, и из последних сил прижимала к себе свою сумочку и не выпускала чемодан из рук. Потому что так сказал Николай. Мой Коленька. Я хотела произнести его имя, позвать его, но не смогла произнести ни слова. В ушах звенело, перед глазами все кружилось.

— Контуженная, — снова, как через вату услышала я. — Усаживай ее, вот на эту подводку. А как в сумочку свою вцепилась, — усмехнулся кто-то.

— Это единственное, что у нее осталось, — защитили меня. Коленька. Родной мой, где ты. Я обводила мутным взглядом людей, которых собирали по всему полю, а кого-то тут же хоронили. Искала взглядом знакомый силуэт. Наверное, он помогает искать живых, раз его нет рядом со мной. Скоро он придет, снова обнимет, прижмет к себе, скажет что любит. Надо просто сидеть и ждать. И сумочка с чемоданом. Держать, изо всех сил держать. Коля строго настроено приказал.

Я еще судорожнее вцепилась в свои вещи, успокоилась и стала смотреть перед собой, немного покачиваясь и морщась от звона в ушах, который все не проходил. Постепенно, я стала слышать крики и стоны, женский плач. Коленька все

не приходил, но я терпеливо ждала, знала, что не нужно ему сейчас мешать. Он освободится и придет сам.

Бородатый мужчина подошел к подводе, оглядел ее.

– Эта подвода полная! – крикнул он. – Но! – заорал он на лошадь, и хлестнул ее вожжами, которые взял в руки. Лошадь дернулась и медленно, качая своей большой головой, тронулась по просеке, увозя нас от дымящегося состава. Я сидела спокойно, все еще ничего не чувствуя и не понимая. Значит так нужно, что Коленька не пришел. Нужно ждать, просто ждать.

Я не знаю, сколько мы ехали, сначала по просеке в лесу, потом сквозь большое поле. Нас, уцелевших пассажиров, привезли в какой-то поселок. На улицу из домов высыпали люди и стали с интересом разглядывать.

– Чего встали! – заорал на них мужик. – Разбирайте, давайте, кого куда. Мне еще за остальными ехать.

Кто-то, взял меня за руку, помог спрыгнуть с подводы и повел в один из дворов. Я не поднимала своей головы, которая до сих пор гудела, и не видела, что это была одна из женщин, которая ехала с нами в купе. Вторая несла девочку на руках и шла за нами. Мы зашли в дом, женщина подвела меня к стулу и посадила на него. Старушка, которая жила в нем, разглядывала нас.

– Здравствуйте, – поздоровались с ней женщины.

– И вам не хворать, – ответила старушка, – да вы разделайтесь, проходите, места у меня много, семья большая бы-

ла.

Женщины разделись, раздели девочку, одна я сидела, прижимая к себе чемодан с сумочкой, и глядя перед собой.

– Давайте я вам помогу, – ко мне подошла женщина, та, что была постарше.

– А я баньку истопила, – засуетилась старушка, – сходите, искупайтесь, в земле вон все, а потом и обедать будем.

– Вам нужно умыться, – снова обратилась ко мне женщина, но я снова не обратила на нее внимание. Старушка, девочка и вторая женщина смотрели на меня.

– Давайте я возьму ваш чемодан, – женщина потянулась к нему, но я тут же прижала его еще сильнее к себе, вскинула свою голову и испугом посмотрела на нее.

– Коленька сказал не отпускать, – с жаром произнесла я.

– А давайте я подержу, – сказала старушка, – вы пока в баньке купаетесь, я его охранять буду, вот те крест, – сказала старушка и перекрестилась.

Она напомнила мне Диминого дедушку и поэтому, скорее всего, я потянулась к ней, прониклась доверием. Я медленно разжала свои руки и отдала ей чемодан с сумочкой.

– Вот и хорошо, – заговорила женщина и повела меня из дому, когда хозяйка дала нам полотенца и во что можно было переодеться.

– Что это с ней, – спросил она у второй женщины, которая сидела и укачивала девочку на своих руках. – Больная штоль?

– На ее глазах мужа разорвало бомбой, – сказала женщина. – Прямое попадание. Я рядом была, видела, как она из воронки в это время высунулась, кричала ему что-то, – женщина вдруг всхлипнула, и из ее глаз полились слезы. – Такой хороший молодой человек был, так любил ее, пылиночки сдувал. Все про малыша говорил, которого она носит.

– Господи, – старушка прикрыла свой рот рукой и тоже заплакала. – Не зря говорят, что Господь хороших людей быстрее к себе забирает. Как же она теперь.

– Не знаю, – пожала плечами женщина. – Нам бы доехать сначала, а там уж посмотрим. Может, мы с сестрой приглядим.

– А откуда вы, – спрашивала старушка и накрывала на стол.

– Из Ленинграда, – ответила ей женщина.

– Из того самого? – закачала головой пожилая женщина.

Когда меня привели из бани и снова посадили на тот же стул, старушка отдала мне мою сумочку и чемодан. Я вцепилась в них и опять стала смотреть перед собой.

Сходила, вымылась в бане вторая женщина с ребенком и все сели за стол.

– Неудобно с чемоданом то кушать будет, – обратилась ко мне старушка.

– Коленька сказал держать, – ответила я ей.

– Ты пока в баньке купалась, Коленька заходил, велел накормить тебя, да спать уложить, – сказала старушка, забирая

у меня чемодан. Сумочку она уже трогать не стала.

Мы поели, а потом меня отвели в одну из комнат и уложили в постель.

– Коленька, Коленька, где же ты, – шептала я, пока не уснула.

Так прошло несколько дней. Мы ждали, когда починят пути, и наш поезд. Обгоревшие вагоны разбирали, чтобы сцепить целые, создавая тем самым, новый состав. Составляли списки погибших, чтобы выдать справку о смерти. Я целыми днями сидела на стуле, прижимая к себе свои пожитки и отдавая их только старушке, когда нужно было покушать, или сходить в баню.

– Здравствуйте, – сказал мужчина, который зашел в наш дом. Он выглядел очень усталым, даже можно сказать изможденным. – Вы у меня последние остались. Состав скоро будет готов, и вас отвезут к нему. Есть у вас погибшие?

– У нее, – кивнула женщина в мою сторону. – Муж погиб, спасая других. Прямое попадание. Она контужена и еще плохо понимает что происходит, а скорее всего, находится в шоке, потому что до сих пор ждет его.

– Понято, – кивнул головой мужчина и подошел ко мне. – Дайте мне документы вашего мужа, пожалуйста, – обратился он ко мне.

– Зачем, – я с испугом посмотрела на него и прижала сумочку к себе. – Зачем вам, не дам. Коленька придет, и сам даст. Он помогает, некогда ему, – заговорила я с жаром.

Мужчина вздохнул, оглянулся на женщин, которые тихо плакали, глядя на меня.

– Как вас зовут, – снова обратился ко мне мужчина.

– Ева, – ответила ему я. – Ева Адамовна Романовская.

– Ева Адамовна, – он опустил передо мной на корточки. – Мне нужны документы вашего мужа, чтобы выписать вам справку о его смерти. С этой справкой вы...

– Какой смерти, вы что, – я нервно рассмеялась, – Коленька жив, он просто занят, он помогает, всем помогает. Он у меня хороший, и я люблю его.

– Ваш муж погиб, Ева Адамовна, простите меня, что именно я говорю вам об этом, но он погиб, спасая других. Поэтому мне нужны его документы. Я потом верну их вам, просто мне нужны.

– Он не погиб! – заорала я на него. – Вы все лжете! Вы хотите украсть мою сумочку! Не отдам! Коленька сказал держать и я не отдам!

Женщины больше не могли смотреть на это и поэтому вместе со старушкой и девочкой ушли в другую комнату, всхлипывая при этом.

– Они плачут? – удивилась я и в моих глазах тоже появились слезы. – Почему они плачут.

– Оплакивают вашего мужа Ева Адамовна, – он взял мою руку и стал поглаживать ее. – Я не сомневаюсь, что он был хорошим человеком, которого вы очень любили. Но его больше нет. Он не придет ваш Коленька. И мне нужны его

документы.

– Нет, нет, – шептала я. Меня всю затрясло, по лицу бежали слезы. – Он обещал, всегда быть рядом, он вернется.

– Он не вернется, – устало сказал мужчина и вздохнул.

И вдруг как молния в голове. Я высовываю голову из ямы, противный звук, глаза моего Коленьки, а потом...

– Аааааа! – заорала я и согнулась пополам от боли. – Коооляяя! Коленька! Родной мой! Коооляяя!!!

Мужчине пришлось схватить меня, потому что я стала дергаться в каких-то конвульсиях от той боли, которая обрушилась на меня.

– Я люблю тебя Коленька! Коля! Я люблю тебя! – кричала я слова, которые так и не успела сказать ему.

Из комнаты прибежали женщины и помогали мужчине уложить меня в постель. А я все кричала и кричала от дикой скручивающей боли имя мужа, которого больше никогда! Какое страшное слово! Никогда! Не увижу...

Прибежал местный фельдшер, за которым сбегала старушка. Он поставил мне укол с успокоительным, пока мужчина удерживал меня.

– Пятая по счету, – сказал он. – Все не верят, что их муж погиб.

Мужчина взял мою сумочку, достал из нее документы Николая. Тут же на специальном бланке, который принес с собой, написал свидетельство о смерти и положил документы обратно.

– Простите меня, – прошептал он, когда ставил сумочку у моего изголовья.

На следующий день нам сообщили, что состав готов, и нас на подводах отвезут обратно к поезду. Я снова была как не живая. И только мысль о том, что во мне растет ребенок Николая, его продолжение, заставляла меня жить дальше. Я пока боялась думать о его смерти. О том, что больше не увижу его. Поэтому думала, только о ребенке. О той мысли, что Николая больше нет, я старалась привыкать постепенно. Пока я думал о нем, как о тяжелораненном, который должен вот, вот умереть. Так мне было легче. Так я не боялась сойти с ума.

Мы тепло попрощались со старушкой, поблагодарили ее за теплый прием, за кров и пищу. А я достала из своего чемодана теплые носки, которые связала сама и подарила их хозяйке.

– На память, – тихо сказала я. – Коленьку помяните, – прошептала я ей, когда обнимала ее.

Старушка, утирая слезы и прижимая носки к себе, долго махала нам рукой, пока подвода не скрылась из ее вида, а мы перестали видеть ее. Нас привезли к поезду и стали рассаживать. Женщины постарались сделать так, чтобы я оказалась с ними в одном купе. К нам присоединился мужчина, который тоже выглядел усталым. Когда всех рассадили по местам, поезд тронулся дальше, а я не могла отвести взгляда от того места, где погиб Николай. В эти минуты мне ка-

залось, что я больше никогда не буду счастливой. Никогда не буду улыбаться, смеяться и вообще радоваться жизни. Ведь его нет, а я живая. И ребенок наш жив. Теперь я буду жить ради него, как когда то Николай жил ради меня.

Я не плакала, нет. Слез не было. Была просто тупая ноющая боль и пустота. Я сидела и смотрела перед собой, покачиваясь в такт вагону. Говорят, время лечит, но в эти минуты я в это не верила. Я готовила себя к жизни без него, с этой болью и пустотой в себе, которая образовалась во мне, после того, как я поняла, что мой Коленька погиб, стараясь не сожалеть о том, что столько времени с ним было упущено. Я готовила себя...

Казалось эта дорога никогда не закончиться. Снова эти длинные остановки, и холод, которые шел изнутри меня и снаружи. Только теперь не кому было согреть меня ногами, и прижимать к себе днем. Я куталась сама, как могла, в одеяло, согревала ноги, растирая их. Женщины и мужчина помогали мне, приносили чай, или продукты, которые покупали на перроне. Я сначала отнекивалась, особенно неудобно было брать еду у мужчины, но он так посмотрел на меня, когда протягивал мне хлеб в первый раз, что дальше я уже безропотно брала из его рук еду, тихо благодарила и опускала свои глаза, чтобы скрыть свои слезы.

Казалось, что мы теперь в этом вагоне навечно, даже девочка смирилась с этим, перестала капризничать и плакать, а, так же как и я сидела и безучастно смотрела в окно на проплывающий серый безрадостный пейзаж. Но однажды для меня и эта поездка кончилась.

Началось все ночью, поэтому никто ничего и не заметил. Я вздрогнула и проснулась. Мне снился Николай, который будил меня, громко звал и тряс меня за плечи. За окном брезжил бледный рассвет. Наш поезд снова стоял, возле какого-то маленького городка, названия которого я не могла прочитать. Постепенно я почувствовала, что я сижу на чем-то мокром. Повозившись немного, и откинув свое одеяло, я

сначала не поверила своим глазам.

– Паамаагите, – тихо проблеяла я. – Помогите! – сказала я чуть громче.

Женщина, которая спала на нижней полке вместе с девочкой, вздрогнула и проснулась.

– О Господи, – выдохнула она и посмотрела на меня. – Евгений Александрович! – громко крикнула она. Мужчина тут же проснулся, откинул свое одеяло и спрыгнул с верхней полки.

– Мать честная, – сказал он, когда увидел лужу крови на полу, которая расплывалась возле меня. – Я сейчас.

– Что это, – прошептала я женщине, которая прижимала руку ко рту, глядя на меня. – Что это, – снова повторила я и вдруг почувствовала, как все расплывается вокруг меня. – Коленька, помоги, – прошептала я, прежде чем потерять сознание.

В купе прибежали санитары с носилками, меня переложили на них. Обе женщины плакали, а та, которая лежала с девочкой закрывала ей глаза ладонью, что бы та не видела кровь.

– Скорее, скорее, – торопил их мужчина, расталкивая людей, которые высовывались из своих купе, чтобы посмотреть, что за шум в коридоре. – Освободите же дорогу, черт побери, – ругался Евгений Александрович.

Только я этого всего не видела и не слышала. Как меня погрузили в машину скорой помощи. Рядом поставили мой

чемодан и положили мою сумочку. Я не видела, что поезд поехал дальше уже без меня. А меня положили в палату, после операции. Да и операцией это назвать было уже нельзя. Я потеряла много крови, поэтому была бледной. Синие жилы выступили на моих руках, лицо заострилось.

Я не знала, сколько времени прошло, и где я, когда открыла свои глаза.

– Очнулась, – услышала я голос какой-то женщины. – Эй! Кто-нибудь, позовите врача, она очнулась!

Я медленно повернула голову в сторону, чтобы посмотреть на того, кто так кричал рядом со мной, и увидела слегка полноватую женщину, которая тоже смотрела на меня.

– Ничего девка, – сказала она и подмигнула мне. – Прорвемся, где наша не пропадала. Ты еще молодая, успеешь еще. Главное, что живая осталась.

Я не понимала, о чем она говорит, не понимала где я. Внутри все болело, рядом не было никого, кто бы был знаком мне и меня это пугало еще больше.

– Здравствуйте, – ко мне подошел пожилой мужчина, голова которого была белой от седых волос. Он взял меня за руку, нащупал пульс, потом проверил мою температуру. – Как вы себя чувствуете, – спросил он у меня, немного склонившись над кроватью, на которой лежала я.

– Что со мной случилось, – прошептала я, не отвечая на его вопрос, потому что мое здоровье волновало меня меньше всего в данную минуту.

– Вы только сильно не волнуйтесь, – сказал доктор, – сестра! – крикнул он. Та тут же вошла в палату, неся в руках ванночку, в которой лежал укол. Я тяжело задышала от тяжелого предчувствия.

– Прошу вас, – он взял мою руку и сжал ее. Как тогда! Как тот мужчина, который сообщал мне о смерти Николая!

– Пожалуйста, – прошептала я и по моим щекам покатились слезы. – Пожалуйста, – я просила его не причинять мне боль и смотрела на него с мольбой.

– Мы пытались сделать все что могли, – начал говорить он, глядя на меня с жалостью. – Но вы потеряли много крови, да и больница эта маленькая, хоть и районная.

Я отрицательно замотала головой, в ушах появился противный звон.

– Нам не удалось сохранить вашего ребенка, – услышала я сквозь вату.

– Нееет!!!! – хотелось заорать мне. – За чтооо!!!!

Но из моей груди вырвался только стон. Я выгнулась всем телом, а когда сестра быстро поставила мне укол, снова упала на кровать.

– За что, – все-таки прошептала я, глядя на доктора и проваливаясь в спасительный сон.

– Бедная, – сказала женщина, которая лежала рядом со мной.

– Сначала мужа потеряла, – сказала сестра, – теперь вот ребенка.

– Смотрите за ней, – сказал доктор, который все еще держал меня за руку. – Как только она придет в себя, сразу же зовите? Слышите? Сразу же.

– Да доктор, – сказала сестра и вздохнула.

Когда я проснулась в следующий раз, была ночь. Отовсюду слышался громкий храп, из этого я сделала вывод, что лежу в палате не одна. Я медленно оглянулась вокруг, все спали. Это было мне на руку. Я откинула свое одеяло и медленно села на кровати. Правда мне тут же пришлось ухватиться за спинку, потому что все закружилось и завертелось вокруг. Я посидела, подождала, когда карусель вокруг меня остановиться и так же медленно, как и садилась, встала. Стараясь не шаркать ногами об пол, чтобы не разбудить остальных женщин, я стала пробираться к двери.

Вот она дверь. Я оперлась о стену пытаюсь успокоить свое дыхание и сердце, которое так громко стучало, что казалось, сейчас выскочит из моей груди. Я собралась с силами и как могла быстро выскользнула в коридор. Первое, что я увидела это стол, за которым, положив голову на свои руки, спала сестра. Я стала пробираться мимо нее, прижимаясь к стене. Мне нужно было добраться до двери, в помещение, где хранились медикаменты. Я не знала где это, поэтому заглядывала в каждую комнату, наугад, пока не нашла ее. Для начала я села на кушетку, тяжело дыша. Сил оставалось все меньше и меньше. Но я хотела успеть, пока они еще были. Поэтому я встала, подошла к шкафчику, в котором хранились таблетки,

и открыла его. Перед глазами уже все плыло, я покачивалась и цеплялась за дверцу. Передо мной были лекарства, но каким убить себя я не знала. Поэтому взяла первое, наугад, собираясь глотать их, пока не умру. Я не хотела жить. Моя жизнь без Коли и его ребенка была мне больше не нужна. Больше ни о чем, и ни о ком я думать не хотела. Да и не думала вообще.

– Не делайте этого, – в комнате зажегся яркий свет, который ослепил меня. Я резко повернула голову и увидела врача, который сообщил мне о потере моего ребенка.

– Пожалуйста, – прошептала я, и слезы побежали по моим щекам. – Мне незачем жить.

– Всегда есть, ради чего жить, – строго сказал доктор, – положите на место.

– Нет, – замотала я головой. – Вы не понимаете, я хочу к Коленьке и к нашему ребеночку.

– Я все понимаю, черт, – выругался он. – Сестра! – заорал он в коридор. – Быстро каталку, у нее открылось кровотечение.

Он быстро подошел ко мне, вырвал пузырек с лекарствами из моей руки, поставил его на место, а сам взял меня на свои руки.

– Пожалуйста, – шептала я и плакала. – Мне незачем жить.

Потом началась какая-то суматоха, меня куда-то везли, доктор кричал на всех, я ничего не понимала, что происходит вокруг, все расплывалось перед глазами.

– Пожалуйста, – произнесла я без звука, одними губами, и снова провалилась в такую уже спасительную для меня темноту.

– О, пришла в себя, – хмыкнула женщина, которая сидела возле меня на стуле, – дурында, – сердито сказала она. – Если бы я не проснулась и не увидела твою пустую койку. Молодая еще баба, жить она не хочет, – она ругала меня. – Вон, посмотри на ту женщину, – она показала в сторону женщины, которая лежала возле самой стены палаты и смотрела в потолок. – Ей вырезали все, все что можно, она теперь себя за бабу не считает, потому что пустая, – женщина ткнула себя в живот. – А ты еще можешь иметь детей.

При этих словах, по щекам женщины, которая теперь себя таковой не считала, потекли слезы, и она отвернулась к стене.

– От кого, – прошептала я.

– От коровы! – хлопнула себя по ногам женщина. – От мужика конечно! В общем, так дева моя, теперь я за тобой следить буду, и смотри мне, – она погрозила мне пальцем, – у меня не забалуешь, и не таких скручивала.

– Всем на завтрак, – заглянула медсестра в палату, – покормите ее? – спросила она у женщины, которая сидела рядом со мной. – А то рук не хватает.

– Конечно, покормлю! – женщина уставила руки в боки. –
Неси поднос с едой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.